

РЕСТАВРАЦИЯ МЕЙДЗИ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЯПОНИИ**О.В. Воробьева, И.И. Вуколова**

Аннотация. В статье рассматривается специфика исторического образования в Японии периода Мейдзи в общем контексте развития исторического знания и исторической культуры Японии. Дается характеристика исследовательским канонам, сформировавшимся в Японии в предшествующий период Токугавского сёгуната; показываются особенности конфуцианских школ и зарождение в них традиции доказательного знания; приводятся примеры частных школ и академий, а также школ для самураев. Осмысливается противостояние между конфуцианскими школами и школой национальной науки, определившее вектор развития гуманитарного знания, в частности, исторического, в Японии конца XIX – начала XX века. Анализируется роль конфуцианства и конфуцианских школ во взаимодействии с западной исторической традицией. Обращаясь к фигуре медиатора этой коммуникации Людвиг Рисса, авторы сосредотачивают свое внимание на образовании исторического факультета Токийского университета, создании исторических кафедр, программе обучения, в том числе введении в образовательную практику семинарских занятий, а также на содержательном наполнении исторических курсов. Авторы приходят к выводу, что историографический трансфер, разворачивающийся в Японии периода Мейдзи, не имел случайного характера, а удовлетворял определенным общественным и государственным запросам и обнаруживал определенное сродство западной исторической традиции.

Ключевые слова: реставрация Мейдзи, историческое образование в Японии, школа доказательного знания, школа национальной науки, конфуцианские школы, Токийский университет, Людвиг Рисс.

277

O.V. Vorobyeva, I.I. Vukolova

Abstract. *The article deals with the specifics of historical education in Japan during the Meiji period in the general context of the developing historical knowledge and historical culture of Japan. It characterizes the research canons formed in Japan during the preceding period of the Tokugawa shogunate. The features of Confucian schools and the origin of the tradition of evidential knowledge are shown; examples of private schools and academies as well as schools for samurai are given. The article analyzes the confrontation between Confucian schools and the school of national science, which determined the vector of humanitarian knowledge development, in particular historical knowledge, in Japan in the late 19th – early 20th centuries. The role of Confucianism and Confucian schools in interaction with the Western historical tradition is analyzed. Referring to the personality of Ludwig Riess as a mediator the author analyzes the role of Confucianism and the Confucian schools in the interaction with the Western historical tradition. Referring to the personality of Ludwig Riess as a mediator of this communication, the authors focus their attention on the creation of history department in the University of Tokyo, the creation of chairs of history, the program of teaching, including the introduction of seminars into the educational practice, as well as the contents of history courses. The authors conclude that the historiographic transfer in Japan during the Meiji period was not accidental, but met definite social and state needs and revealed a certain affinity to the Western historical tradition.*

Keywords: *Meiji restoration, historical education in Japan, School of evidential knowledge, school of National Science, Confucian schools, University of Tokyo, Ludwig Riess.*

278

Интерес к истории японцы проявляли с незапамятных времен. Однако этот непосредственный и живой интерес долгое время был отягощен пиететом перед древними мифами синтоистского толка. Так, вплоть до 1945 г. японские школьники начинали изучать историю своей страны с правления легендарного императора Джинму и заучивали наизусть на архаичном японском языке наставление богини Аматерасу к Джинму, ее внуку, ко-

торого она отправляла с небес управлять Японией [1, p. 11]. Тем не менее профессиональные исследовательские каноны начали формироваться в Японии задолго до появления здесь собственно научной традиции и оформления академической истории, которые традиционно связывают с западным влиянием. Во время реставрации Мейдзи (1868–1912), когда японские ученые близко познакомились с западными представлениями и способами изу-

чения истории, они уже имели свои исследовательские каноны, основанные на двух враждебных друг другу интеллектуальных традициях — *кангаку* и *кокугаку*. Противостояние этих традиций во многом определило развитие довоенного гуманитарного образования в Японии.

Первыми храмами науки и образования в этой стране были конфуцианские школы. Конфуцианская наука (*кангаку*) — общее название для научной традиции, опиравшейся на этико-философские принципы конфуцианства. Японцы восприняли *кангаку* вместе с политическими, социальными и религиозными аспектами китайского неоконфуцианства чжусианского толка. Особую популярность данная научная традиция приобрела в изоляционистский период Эдо (1603–1868), который также был периодом становления единого японского государства с оглядкой на китайский образец. Начиная с XVI века, конфуцианские школы заменили собой существовавшие ранее синтоистские школы, а все научные изыскания, так или иначе, шли в русле *кангаку*. Однако в XVII веке важной составляющей конфуцианской науки стала *кошогаку* — «Школа доказательного знания». Сам метод возник в Китае династии Цинь (1644–1912) как раздел конфуцианских исследований, был направлен на тщательное изучение и интерпретацию конфуцианской классики и чрезвычайно близок европейской (в частности, немецкой) текстуальной критике [2, р. 11; 3, с. 80, 81, 86].

Японские ученые адаптировали этот метод для анализа своих древних текстов, что со временем привело к ослаблению неоконфуцианской традиции и зарождению сомнений в релевантности конфуцианского учения японской культуре. Но, как бы то ни было, конфуцианство имело огромное значение для японской образовательной и научной системы. Именно наличие длительной конфуцианской традиции позволило, на наш взгляд, японским ученым периода Мейдзи воспринять западные позитивистские методы исследования.

Одной из первых, а также самой знаменитой и влиятельной конфуцианской школой была основанная Хаяси Радзаном в 1630 году академия *Seidō* (*“Sages’ Hall — «Зал мудрецов»*). Хаяси Радзан — поистине легендарная личность. Джон Браунли называет его первым профессиональным историком Японии [1, р. 50]. Заслуга Радзана состоит в том, что он первым использовал по отношению к древним японским текстам конфуцианский аналитический подход и попытался рационализировать их содержание¹. Сравнивая изложенное в «Шести национальных историях»² и «Кодзики»³ с китайскими источниками за тот же период, он обнаружил явные анахронизмы, что позволило более точно определить даты правления первых императоров. Помимо этого, Хаяси Радзан высказал сомнение в божественном происхождении императора Джинму. В одном из своих эссе он предположил, что Джинму на самом деле

¹ Примером может служить его небольшое эссе «Просторечное объяснение значений знаков „натура“ и „рациональность“».

² «Шести национальных историй» — свод хроник, заложивших основы официальной японской историографии, создание которых относят к VII–X вв.

³ «Кодзики» («Записи о делах древности») — сборник исторических текстов начала VIII века.

был выходцем из Китая. Это эссе, в отличие от его исторической работы *Honchō tsugan*⁴, — частное, в публичных работах он придерживался официальной идеологии. Следует отметить, что деление на частное / публично было отличительным признаком конфуцианской науки. В дальнейшем этот принцип будет соблюдаться учеными почти повсеместно, в том числе и после Реставрации Мейдзи, когда появится официальная государственная идеология и цензура.

'*Sages' Hall* в 1793 г. стала высшей правительственной школой сёгуната Токугава и была переименована в *Shōhei-zaka Gakumonjo / Shōheikō* (академию Сёхэйдзака / школу Сёхэй). В академии обучение проводилось, главным образом, для прямых вассалов сёгуна, хотя в течение последних десятилетий перед Реставрацией студенты, принадлежащие к самурайскому сословию, приезжали сюда со всей Японии. Помимо изучения конфуцианской науки, они занимались также политическими дискуссиями, ходили в дома известных ученых, чтобы учиться у них или просто встречаться с ними. Многие люди, сыгравшие важную роль в событиях Реставрации Мейдзи, провели некоторое время в *Shōheikō*, где познакомились с другими самураями со всей Японии и сформировали общенациональное интеллектуальное сообщество. Выпускником академии Хаяси был, к примеру, Сигено Ясуцугу, президент созданной в период Мейдзи Историкографической службы, видный ученый-историк и основатель собствен-

ной школы. По образцу *Shōheikō* создавались конфуцианские школы по всей Японии. Бытовало мнение, что все *juku* были созданы по образцу академии Хаяси [4].

Помимо самурайских школ, которые составляли большинство из всех учебных заведений Японии (40 были открыты до 1750 года, 48 между 1751 и 1788 гг., 78 между 1789 и 1829 гг. и 56 между 1830 и 1867 гг.), существовали также частные академии — *shijuku*. Их основывали *jusha* — профессиональные ученые периода Токугава. *Jusha* происходили из разных слоев общества, могли быть рининами, самураями низкого ранга, выходцами из торговой среды. Существование частных школ почти полностью определялось авторитетом, харизмой и известностью ученого-основателя.

Одной из самых известных частных школ была *Shōkasonjuku* Ёсиды Сёина в Хаги, которая служила форумом для обсуждения текущей политики. Академия в Хаги стала известной не только потому, что там учились несколько лидеров Реставрации Мейдзи, но и потому, что Сёина считали идеальным учителем, чья сильная личность и отношения с учениками повлияли на всю их жизнь. *Shōkasonjuku*, существовавшая с 1857 по 1859 год, отличалась от других школ того времени тем, что ученики Сёина имели больше свободы и не были связаны строгой иерархией. Его учение представляло собой смесь различных идей того времени, и хотя сам Сёин был ученым, он уделял больше внимания развитию характера, чем академиче-

⁴ *Honchō tsugan* («Обзор истории Японии»), 1670.

ским достижениям. Он провел много времени, обсуждая текущие события со своими учениками и подчеркивая тесную связь между мыслью и действием [Ibidem]. Как видно на примере *Shōkasonjuku*, частные академии зачастую были связаны с личностью их основателя и формировались вокруг конкретного ученого, который и выбирал, что именно он хотел преподавать.

Но для истории исторического образования большую роль сыграла другая частная школа — *Kaitokudō* («Зал добродетельного совершенствования») в Осаке. Это была во многом уникальная школа, основанная торговцами для торговцев, в которой помимо конфуцианской науки преподавался также голландский язык. Выпускником Кайтокудо был еще один известный историк периода Токугава — Ямагато Банто, который считается первым ученым, изучавшим историю с позиций западного научного знания. Его знание европейской науки позволило ему критиковать японскую религию и историю. 370 наименований было в его «списке литературы», и среди них, помимо китайских и японских исторических и философских книг, были западные научные труды. Он совмещал в себе конфуцианский рационализм и европейские фактические знания (к примеру, по астрономии и географии). Помимо этого, он был атеистом. В основной его работе *Yumenoshiro* («Вместо сновидений») есть отдельная глава под названием атеизм, в которой Ямагато нападает как на китайские, так и на японские верования о богах, духах, призраках. А в третьей главе он полностью отверг миф о веке богов и о божествен-

ном происхождении Японии, указал на ошибки и несоответствия в хронологии и опроверг все предыдущие исследования, касавшиеся достоверности этого периода (из-за отсутствия письменных источников). В работах Ямагато Банто произошел неизбежный конфликт между конфуцианской моралью и научным подходом. Безусловно, он был великим критиком, опередившим свое время.

Особое внимание стоит уделить школе Мито (*Mitogaku*), которая была не совсем школой, а, скорее, научным объединением, члены которого поставили перед собой амбициозную задачу написать историю Японии с националистических позиций. В 1666 г. под руководством Мито Мицукуни было составлено обширное собрание мифов и исторических хроник «*Дайнихонси*» с целью документально подтвердить древность и истинность японской императорской династии. Самураи-ученые клана Мито внесли большой вклад в развитие исторической науки. С текстами они делали все, что можно было сделать на тот момент: собирали копии древних текстов, таких как Кодзики и Нихон Сёки, изучали варианты, сравнивали персонажей и стили, определяли подлинность и так далее. Кроме того, они были первыми японскими учеными, совершавшими экспедиции в поисках новых источников, а затем применявшими методы проверки подлинности к найденным материалам. Представители Мито развивали идеи национальной уникальности Японии, неповторимости японского пути, божественного происхождения японской нации и императора, нашедшие выражение в концепции *кокугаку*.

Кокугаку — «Школа национальной науки» — научная традиция, возникшая в противовес *кангаку*. Национальная школа в качестве отправной точки взяла буквальную правду японских мифов, а не универсальные принципы неоконфуцианского синтеза, при этом научные методы были те же, что использовали конфуцианцы, но посредством этих методов доказывалась правдивость нациообразующих мифов. Представители национальной школы считали влияние конфуцианства губительным для японского общества и особенно порицали его философско-религиозную сторону, ратуя за возвращение к синтоизму.

Выдающимся ученым *кокугаку* был Мотоори Норинага, чьи комментарии к «*Кодзики*» стали эталонными. Норинага реконструировал «сценарий», изобретенный для «*Кодзики*» и впоследствии забытый. Сделав это, он показал современным читателям, как нужно читать этот труд. Затем он проделал глубокий филологический анализ пассажей и отдельных слов, проясняя их значение в древние времена. Его филология базировалась на обширном знании древних японских и китайских текстов, и в каждом случае он показывал, как изначальное значение было искажено неправильным прочтением, накопленными за столетия. Там, где это было уместно, он изучал институты и верования древнего общества. Благодаря Норинаге, изучение «*Кодзики*» встало на тот же уровень, что и изучение китайской классики. Кроме того, этот древний свод стал источником религиозных, этических, социальных и политических ценностей, уникальных для Японии.

Когда в 1868 г. произошла Реставрация Мейдзи, вернувшая всю полноту власти императору, *кокугаку* оказалось наиболее востребованным учением, так как защищало национальный суверенитет Японии — ее религию (синто), традиции, мифы, историю [5]. За годы диктатуры конфуцианства японцы во многом забыли о своем культурном своеобразии, и *кокугаку* позволило его воскресить и отстоять перед волной европейских заимствований. Националистическая риторика *кокугаку* пробудила в обществе живой интерес к истории, который Маргарет Мель назвала «историческим бумом» [6]. При этом многие положения *кокугаку* были антинаучны (например, утверждение, что Япония — единственная страна в мире, основанная богами), и этой слепой вере и этноцентризму национального учения невозможно было ужиться с наступающим европейским универсализмом.

При этом конфуцианская наука хорошо взаимодействовала с европейской. Разработанный конфуцианцами научный инструментарий был похож на позитивистский, а количество источников, переработанных и проанализированных, — значительно. Результат был в определенной мере предсказуем: после реставрации Мейдзи западные и конфуцианские позитивистские исследования хорошо дополнили друг друга [3, с. 164–172], и к началу XX века удалось полностью дискредитировать *кокугаку*. Тем не менее, влияние *кокугаку* было настолько сильно, что провоцировало эксцессы, которые мешали свободной интеграции европейской науки в японское научное сообщество. Эти два

явления в науке существовали как два полюса магнита, один из которых притягивал все западное, другой же постоянно отторгал. Их противостояние определило вектор развития гуманитарного знания, в частности, исторического, в Японии конца XIX века.

К тому моменту, когда в Японию приехал первый преподаватель истории как академической дисциплины — немецкий ученый Людвиг Рисс, общество уже было расколото на два лагеря. В недавно образованном Токийском императорском университете (1877), в который Рисс был приглашен в качестве преподавателя, работали и конфуцианцы, и последователи национальной науки. В 1887 г. он стал преподавателем на кафедре европейской истории, которая с этого момента стала преподаваться как отдельная дисциплина. В то время как японская история по-прежнему читалась в курсе других (как правило, филологических) дисциплин — такова была сила прежней традиции: японская история не могла стоять в одном ряду с историями другими стран [7]. И у руководства университета уже были планы по созданию факультета японской истории.

Первым шагом по осуществлению этих планов стало перемещение в 1888 г. Историографической службы в Токийский университет [3, с. 167–168]. Историографическая служба изначально — правительственное высшее учебное заведение, созданное Императорским рескриптом от 1869 г. на базе академии Хаяси (*Shōhei-zaka Gakumonjo*), то есть преемственность с периодом Токугава наблюдалась не только в идеоло-

гическом и теоретическом ключе, но и в институциональном. Многие школы периода Токугава в период Реставрации Мейдзи были преобразованы в образовательные учреждения нового типа. В 1871 г. она была открыта под названием *Департамента Истории (rekishika)* при Государственном совете, а в 1875 г. — реорганизована и переименована в *Историографическую службу (shu-shikyoku)* [см. об этом: 2]. После серии переименований и реорганизаций она была передана Токийскому императорскому университету.

Автор меморандума о переносе — президент Токийского университета Ватанабэ Коки — сослался на важность изучения истории Японии посредством научных методов и упомянул о том, что документы, собранные Службой, а также опыт и знания его членов будут очень полезны для нового факультета [8, р. 94; 9, р. 499]. Таким образом, правительственное учреждение стало частью университета. Члены Историографической службы — историки-конфуцианцы Сигено Ясутцугу, Куме Кунитакэ и Хосино Хисаси, были возведены в должность профессоров, а сама Служба была переименована в Историографический институт. И уже через месяц, 30 ноября 1888 г., Людвиг Рисс (предположительно, по предварительной договоренности с руководством) представил меморандум, в котором предлагалось создать факультет истории Японии [10].

Рисс рассматривал историю Японии как дисциплину, необходимую для понимания всеобщей истории. Студентам предстояло научиться применять полученные у Рисса методы для изучения истории Японии.

Особое внимание, по мнению Рисса, следовало уделить вспомогательным дисциплинам, которые Рисс подробно описал в своем меморандуме. Также студентам предстояло научиться самостоятельному проведению исследований посредством лекций и семинаров. Пока закладывались основы исторического образования, два отделения школы (*шигакка* и *кокушика*) рассматривались как единое целое. После завершения обучения студенты должны были уметь проводить исследования как по истории Японии, так и по европейской истории. Для этого студенты получили доступ к материалам Историографической службы, которые к тому же сильно влияли на программу обучения. В преподавательский состав факультета вошли ученые *кокугаку* из недавно упраздненного факультета классических дисциплин (Найто и Конакамура), а также ученые из Историографического института (Куме, Сигено и Хосино). Присутствовала разница в терминологии: японская история именовалась термином *kokushi*, «национальная история», в отличие от *shigaku* — «историческая наука».

В течение нескольких лет с 1887 по 1890 г. на базе Токийского университета было образовано две кафедры — мировой истории и истории Японии, сформировался как исследовательский центр Историографический институт, вышел первый номер *“Shigaku zassi”* — *«Исторического журнала»*. Токийский университет стал колыбелью новой исторической науки. Помимо европейской истории [11; 12], Людвиг Рисс читал своим слушателям и другие курсы, в частности, методологию, а по сути, —

первую в истории Японии научную методологию истории [13]. Он также ввел в образовательную практику семинарские занятия, на которых его ученики могли ознакомиться с источниками. И в методологии, и на семинарских занятиях он был последователем Леопольда фон Ранке, основателя современной методологии, основанной на анализе архивных источников [8, p. 100].

Целью немецкой школы Леопольда фон Ранке была объективность. Он призывал писать историю «такой, как она была». Путь к объективности, по его мнению, лежал через научный метод, который Ранке считал столь же осуществимым в истории, как в любой другой области (например, в географии). Ранке наиболее знаменит своим стремлением к объективности и научным методом, но его представления об истории на этом не заканчивались. Его главная цель состояла в том, чтобы искать факты, но он также полагал, что факты истории взаимосвязаны и выражают духовную реальность, которая связывает нацию. Дух нации должен был быть понят интуитивно, а не с научной точки зрения. Кроме того, историческое понимание требовало религиозной веры, поэтому Ранке полагал, что Бог, в конечном счете, организует историю, во благо и во зло [см. подробнее: 14, p. 42].

Людвиг Рисс, как медиатор историографического трансфера, не являлся простым ретранслятором идей Ранке, адаптировав их для японского общества [о деятельности Л. Рисса см. подробнее: 15]. Будучи евреем и иудеем, он не уделял такого внимания фундаментальному, с точки зрения Ранке, объекту истории —

христианству и понимал его неактуальность для японского общества. Соответственно, японские студенты Рисса получали особое, ни на что не похожее видение европейской истории и методологии истории. Более того, они имели в качестве основной опоры конфуцианскую традицию, да и влияние национальной школы на тот момент все еще было сильным.

Как видно из сказанного выше, преподаватели Токийского университета не были едины в своих взглядах на исторический процесс и изучение истории. Наряду с поистине прорывными научными статьями Куме Кунитаке публиковались и статьи консервативно настроенных историков, например, Сигено Ясуцугу. В сообществе был очевиден конфликт академической науки и Национальной школы, одним из проявлений которого стал «инцидент Куме Кунитаке».

Куме Кунитаке, правительственный историограф, один из участников знаменитой дипломатической миссии Ивакура⁵, всегда подчеркивал, что история должна быть свободна от политических и моральных предубеждений. В своей статье «Синтоизм — устаревший обычай поклонения небесам» он критически рассмотрел синтоизм в контексте мировых религий и пришел к выводу, что это первобытный примитивный культ, который несравним с религиями Запада, имевшими догмы и моральные кодексы поведения. В то же время японское правительство утверждало, что синтоизм стоит выше других религий и может охватить и

абсорбировать другие религии, и эта идея широко транслировалась. Своей статьей Куме вошел в диссонанс не только с правительством, но и с общественным мнением. 28 февраля 1892 г. четыре члена частной школы *Doseikan* вызвали Куме на встречу, на которой в течение четырех часов обсуждалась его статья. Отчет об этой дискуссии был опубликован в *Tokyo nichì nichì shinbun*. Куме обвиняли в злоупотреблении своим положением ученого, неуважении к императору и нанесении вреда национальному государству. Приверженцы синтоизма сказали ему, что как профессор Императорского университета он, прежде всего, должен служить своему народу. Получившие образование в традиции *кокугаку* синтоисты заметили также, что теперь они поняли высказывание, часто звучавшее в их юности о том, что ученые, изучавшие китайскую науку, должны понести наказание за фабрикацию для собственного удобства и за манипуляцию людьми [8, р. 135].

Таким образом, это дискуссия отразила давний спор между сторонниками *кангаку* и *кокугаку*. Противники Куме выступали не столько против конкретной статьи Куме, сколько против всего китайского образования, сторонником которого являлся этот ученый. Но даже после отказа Куме от своих заявлений синтоисты не успокоились и, в конечном итоге, добились его отстранения. В конце марта 1892 г. он был уволен из Токийского императорского университета, а в 1895 г. возобновил

⁵ Миссия Ивакура (1871–1873) — японская правительственная миссия, направленная в страны Европы и Америки для ознакомления с государственным устройством и культурой этих стран, а также для пересмотра некоторых неравноправных договоров.

карьеру в *Tokyo senmon gakko* (позднее — университете Васэда). Между тем, даже после самоустранения Куме от этого вопроса борьба продолжилась. Развернутая синтоистами масштабная обвинительная компания докатилась и до других профессоров Токийского университета. В моральном разложении они обвиняли Сигено и Хосино, напали на учебник *Kokusigan* («Видение истории Японии» — учебник по истории, изданный Токийским университетом для преподавания истории в школах), содержащий, с их точки зрения, ложные утверждения по истории Японии. Утверждалось, что историография должна служить государству, и слишком много текстовой критики и западных теорий вредно, поскольку японскую историю нельзя сравнивать с западной историей⁶.

Общественная реакция была настолько сильной, что через год после «дела Куме», 10 апреля 1893 г. Историографический институт с подачи министра образования Иноуэ Коваси был закрыт. Иноуэ продолжил консервативную образовательную политику по консолидации государства и императора. Описывая свои планы по реформированию исторического образования, он заметил по поводу учебников истории: «...когда я посмотрел один или два из них, то я увидел, что в них содержатся невозможные утверждения, например, что предки императорской семьи принадлежали к той же линии, что и корейцы. Поэтому я принял решение

распустить Историографический институт. Я верю, что причины болезни находятся там» [16, р. 488]. После этих заявлений были уволены многие сотрудники Историографического института, в том числе Сигено Ясуцугу.

Людвиг Рисс покинул Японию в 1902 г., и в целом его не коснулись политические репрессии 1890-х гг. Просто в его нахождении в Японии отпала необходимость. Япония к этому времени (а на деле еще раньше) представляла собой уже государство нового типа с оформленной многоступенчатой образовательной системой, которая не нуждалась в иностранной поддержке. К тому же сама консервативная направленность образования противоречила иностранному вмешательству. Тем не менее его отъезд не сопровождался никакими эксцессами, а на его прощальном вечере 9 сентября 1902 г. присутствовало 54 человека, среди которых были такие великие имена японской исторической науки XX века, как Куройта Кацуми, Миками Санджи и Цудзи Зенносукэ. Но Япония, в которую приезжал Рисс, и Япония, которую он оставлял, представляли собой две разные страны с неясным будущим исторической науки и образования.

Таким образом, в период с Реставрации Мейдзи и до начала XX века история в Японии обрела самостоятельность и как наука, и как академическая дисциплина. Консервативный, реакционный курс, взятый правительством после 1868 г.,

⁶ Маргарет Мель приводит имена и названия статей тех, кто выступал с критикой кангаку. Их было действительно очень много: Anon. Kokkanodaiji o bakurosummononofukeifugi o ronzu. Kokko 3.9 (1892); Iwashita Masahira. Hennenshihensaniin o ikanisen. Kokko 4.2 (May 1892); Okajima Yasuhira. Jofukenhotenkyo. Kokko 4.2 (May 1892). — [8, р. 150].

накладывал значительные ограничения на осуществление научной деятельности. Историческая наука должна была служить опорой режиму, возвеличивать власть императора, поддерживать национальный суверенитет, то есть двигаться в русле *кокугаку*. Однако противоположная тенденция в образовании — *кангаку* — также получила свое развитие во взаимодействии с европейской наукой и составила основу академической истории. При этом заимствования не были случайными, абсолютными или бессистемными, а удовлетворяли конкретным общественным и государственным запросам. Собственно в исторической науке благодатную почву нашло ранкианство в изложении Людвиг Рисса, которое, с одной стороны, прокла-

мировало идею построения национального государства, очень близкую японскому правительству, а с другой стороны, обладало методологией, похожей на конфуцианский анализ текстов. Японские интеллектуалы действовали в интересах развивающегося государства и принимали то, что им казалось нужным и важным в данный исторический момент. Отсеивающие фильтры в виде традиционных японских учений работали превосходно. Таким образом, Япония вобрала и абсорбировала западные идеи совершенно особым образом. И на момент окончания основного периода реформ (1899 г.) японское государство представляло собой внешне западное государство нового типа, но внутренне нечто совсем иное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brownlee, John S.* Japanese Historians and the National Myths 1600–1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu. Tokyo: UBC Press, 2011.
2. *Mehl, Margaret.* German Influence on Historical Scholarship in Meiji Japan — How Significant it was really? // The Past, Present and Future of History and Historical Sources: A symposium of Commemorate 100 years of Publications of Historiographical Institute. Tokyo, 2002. P. 225–246.
3. *Иггерс, Г.* Глобальная история современной историографии / Г. Иггерс, Э. Ван при участии Суприи Мукерджи; пер. с англ. О.В. Воробьевой; научн. ред. М. Кукарцевой. М.: «Канон+», 2012. 432 с.
4. *Mehl, Margaret.* Private Academies of Chinese Learning in Meiji Japan: The Decline and Transformation of the KangakuJuku. Copenhagen: NIAS Press, 2003.
5. *Blusse, Leonard.* Japan Historiography and European Sources // P.S. Emmer and H.L. Wesseling (eds). Reappraisals in Overseas History. Leiden, 1979. P. 193–202.
6. *Mehl, Margaret.* The Mid-Meiji “History Boom”: Professionalization of historical Scholarship and Growing Pains of the Imagine Academic Discipline // Japan Forum. 1998. Vol. 10. No. 1. P. 67–83.
7. *Прасол, И.Ф.* Японское образование в эпоху Мэйдзи (1868–1912). Владивосток: Дальнаука, 2002. 359 с.
8. *Mehl, Margaret.* History and the State in Nineteenth-Century Japan. The Sound Book Press, 1998.
9. The Oxford History of historical Writing. Vol. 4: 1800–1945 / Ed. by Stuart Macintyre, Juan Manguashca, and Attila Pók. Oxford, 2011.

10. Riess, Ludwig. Memorandum to President Watanabe Hiromoto // Tokyo Teikoku Daigaku Gojunen Shi [Fifty-Year History of Tokyo Imperial University]. Tokyo Imperial University, 1932. P. 1299–1303.
11. Notes of a Course of Lectures on Universal History. 2nd edition. Vol. 1. Tokyo, 1897.
12. Rieß, Ludwig. A Short Survey of Universal History: Being Notes of a Course of Lectures Delivered in the Literature College of the Imperial University of Tokyo, 2 vols. Fuzanbo, 1899. Vol. 1.
13. Rieß, Ludwig. Notes of a Course of Lectures on Methodology of History, First Part, Tokyo, 1896.
14. Van Laue, H. Leopold Ranke: The Formative Years. Princeton: Princeton University Press, 1950.
15. Воробьева, О.В. Пути историографического трансфера: Людвиг Рисс и становление академической историографии в Японии // ЭНОЖ «История». 2019 Т. 10. Вып. 9 (83). URL: <https://history.jes.su/s207987840007795-3-1/> (дата обращения: 11.09.2020).
16. Ito Hirobumi kankei monjo, 9 volumes / Ed. by Ito Hirobumi Kankei Monjo Kenkyukai. Reprint published by Hanawa Shobo, 1973–1981. Vol. 1. (in Japanese)

REFERENCES

1. Blusse Leonard. “Japan Historiography and European Sources”, in: P.S. Emmer and H.L. Wes-seling (eds). *Reappraisals in Overseas History*. Leiden, 1979, pp. 193–202.
2. Brownlee John S. *Japanese Historians and the National Myths 1600–1945: The Age of the Gods and Emperor Jinmu*. Tokyo, UBC Press, 2011.
3. Iggers G. *Globalnaya istoriya sovremennoj istoriografii*, G. Iggers, E. Wang pri uchastii Supriya Mukherjee; per. s angl. O.V. Vorobevoj; nauchn. red. M. Kukarcevoj. Moscow, Kanon+, 2012. 432 p. (in Russian)
4. *Ito Hirobumi kankei monjo*, 9 volumes / ed. by Ito Hirobumi Kankei Monjo Kenkyukai. Re-print published by Hanawa Shobo, 1973–1981, vol. 1. (in Japanese)
5. Mehl Margaret. “German Influence on Historical Scholarship in Meiji Japan — How Significant it was really?”, in: *The Past, Present and Future of History and Historical Sources: A symposium of Commemorate 100 years of Publications of Historiographical Institute*. Tokyo, 2002, pp. 225–246.
6. Mehl Margaret. *History and the State in Nineteenth-Century Japan*. The Sound Book Press, 1998.
7. Mehl Margaret. *Private Academies of Chinese Learning in Meiji Japan: The Decline and Transformation of the Kangaku Juku*. Copenhagen, NIAS Press, 2003.
8. Mehl Margaret. The Mid-Meiji “History Boom”: Professionalization of historical Scholarship and Growing Pains of the Imagine Academic Discipline, *Japan Forum*, 1998, vol. 10, No. 1, pp. 67–83.
9. *Notes of a Course of Lectures on Universal History*. 2nd edition, vol. 1. Tokyo, 1897.
10. Prasol I.F. *Yaponskoe obrazovanie v epohu Mejdzi (1868–1912)*. Vladivostok, Dalnauka, 2002, 359 p. (in Russian)
11. Rieß Ludwig. *A Short Survey of Universal History: Being Notes of a Course of Lectures De-livered in the Literature College of the Imperial University of Tokyo*, 2 vols. Fuzanbo, 1899, vol. 1
12. Riess Ludwig. “Memorandum to President Watanabe Hiromoto”, in: *Tokyo Teikoku Daigaku Go-junen Shi [Fifty-Year History of Tokyo Imperial University]*. Tokyo Imperial University, 1932, pp. 1299–1303.
13. Rieß Ludwig. *Notes of a Course of Lestures on Methodology of History*. Tokyo, 1896.

14. *The Oxford History of Historical Writing*, vol. 4, ed. by Stuart Macintyre, Juan Manguashca and Attila Pók. Oxford, 2011.
15. Van Laue H. *Leopold Ranke: The Formative Years*. Princeton, Princeton University Press, 1950.
16. Vorobieva O.V. Puti istoriograficheskogo transfera: Lyudvig Riss i stanovlenie aka-demicheskoy istoriografii v Yaponii, "Istoriya", 2019, t. 10, vyp. 9 (83), available at: <https://history.jes.su/s207987840007795-3-1/> (accessed: 11.09.2020). (in Russian)

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; доцент, кафедра теории и истории гуманитарного знания, старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, vorobushek1@yandex.ru

Vorobyeva O.V., PhD in History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Theory and History of Humanitarian Knowledge Department, Senior Researcher, Research and Education Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities, vorobushek1@yandex.ru

Вуколова Ирина Игоревна, студентка, историко-филологический факультет, Российский государственный гуманитарный университет, develyssa@gmail.com

Vukolova I.I., Student, History and Philology Faculty, Russian State University for the Humanities, develyssa@gmail.com